

Biblia Slavica

Herausgegeben von
Reinhold Olesch und Hans Rothe
unter Mitarbeit von
Friedrich Scholz

Serie III: Ostslavische Bibeln
Band 4: Russische Psalmenübertragungen
b: Vasilij Kirillovič Trediakovskij

1989

Ferdinand Schöningh
Paderborn · München · Wien · Zürich

Vasilij Kirillovič Trediakovskij

Psalter 1753

Erstausgabe

besorgt und kommentiert von

Alexander Levitsky

herausgegeben von

Reinhold Olésch und Hans Rothe

1989

Ferdinand Schöningh

Paderborn · München · Wien · Zürich

Судьба „ПСАЛШИРИ“ Тредиаковского.

Отношение Тредиаковского к церкви и отношение его с православным духовенством могут многое уяснить в особом складе культурной жизни России XVIII века. Вель в развитии творчества поэта отразились крайне интересные (и историками литературы в достаточной мере не объясненные) тенденции — от секуляризации к попытке нового воцерковления культуры;¹ как очень точно замечает Ю.М. Лотман, „эволюция Тредиаковского и Карамзина — два параллельных пути от игровой периферии культуры к ее серьезному профетическому центру“². В наибольшей мере профетические установки Тредиаковского воплотились в двух его поэтических трудах 1750-х годов — стихотворной „Псалтири“ и поэме „Феоптия“, Синодом рассмотренных, олобренных, отправленных для печатания в Синодальную типографию, но так и не опубликованных. Какие заключения можно сделать в этой связи об отношении членов Синода к двум стихотворным книгам поэта? Не его ли профетические притязания, найденные нерархами предосудительными, оказались реальной причиной ненапечатания „Псалтири“ и „Феоптии“?

В Приложении IV печатается сохранившаяся переписка Синода по поводу этих двух книг Тредиаковского — и сразу необходимо сказать, что однозначного ответа данные документы не дают. Быть может, правильный угол зрения на Синодскую переписку даст краткое рассмотрение нескольких эпизодов из отношений Тредиаковского с духовной средой — с чего и начнем.

¹ Некоторые замечания о попытке ~~о попытке~~ воцерковления культуры во второй половине XVII века см. в книге А. М. Панченко *Русская литература в канун петровских реформ*. Л., 1984, с.102-12.

² Ю. М. Лотман. Ломоносов и некоторые вопросы своеобразия русской культуры XVIII века.— в кн.: М. В. Ломоносов и русская культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Тарту, 1986, с.4.

Первые литературные опыты Тредиаковского состоялись в Московской Славяно-греко-латинской академии, и приняты они были законодательской корпорацией, как можно судить, весьма благосклонно. Он сочиняет две пьесы — „Язон“ и „Тит, Веспасианов сын“; они ставятся на сцене — что, видимо, является свидетельством беспрецедентно высокой их оценки в Академии, на сцене которой шли сочинения законодательских профессоров, а отнюдь не студентов.

Непосредственно после возвращения Тредиаковского из-за границы произошло несколько эпизодов, свидетельствующих, как казалось бы на первый взгляд, о конфронтации поэта с духовенством, по крайней мере, с некоторыми его представителями. Первый эпизод связан с публикацией в 1730 году французского прециозного галантного кодекса — *Езлы в остров любви* Поля Тальмана, первого печатного текста новой петровской секуляризованной культуры, которая порывает с запретом на изображение любви прежней традиции.³ О накале полнявшихся вокруг *Езлы* страстей и решительном осуждении книги частью духовенства свидетельствуют обращенные к последнему (и регулярно во всех историко-литературных исследованиях цитируемые) бранные слова Тредиаковского: „Но оставим этим святошам их суеверное бешенство; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Вель это — подонки, которых в просторечии называют попами“.⁴ Весьма существенен как социальный оттенок слова „подонки“ так и следующая затем оговорка Тредиаковского — „они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить“; действительно, другая, видимо, более высокая часть

3 А. М. Папченко. *Русская стихотворная культура XVII века*. Л., 1973, с.193-95, 239-40; ср. Ю. М. Лотман. „*Езда в остров любви*“ Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века. — В кн.: *Проблема изучения культурного наследия*. М., 1985, с. 226-29.

4 Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse: ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops — письмо Тредиаковского Н.-Д. Шумахеру от 18 января 1931 г. — В кн.: *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980, с.45. Перевод выражения „ la lie “ как „подлые твари“ неточен.

Любопытно, между прочим, что Иван Сечихин, апологет *Езлы* Тредиаковского, отождествлял критика *Езлы* с лицом духовного звания, принадлежащего нижней части иерархии. См.: *К Золу (Образец старинных критик)*. — Москвитянин, 1953, т.2, отд. IV, с.125.

духовенства настроена достаточно благожелательно: „parmi ceux qui sont du clergé il y en a qui m'en veulent du bien“⁵

Другой эпизод, весьма любопытный и показательный, произошел около 1732 г. в связи с сочиненной Тредиаковским духовной „псалмой“ — в это время „псалмы“, то есть песни духовного содержания, он складывал наряду с любовными песенками. Тредиаковский был в гостях у священника монастырской слободы петербургского Александро-Невского монастыря Василия, у которого собрались высокие церковные иерархи: члены Синода Платон Малиновский и Евфимий Колетти, принадлежавшие к староцерковной партии [Евфимий был духовником Алексея Петровича и из-за этого восемь лет томился в заточении на Соловках]⁶, советник Синода и архимандрит Александро-Невского монастыря Петр Смелич и Илларион Рогалевский. Тредиаковский запел сочиненную им духовную песню [музыка, следует думать, также была его]. „Вот бы он сочинял девичьи песни“, — сказал, „озлобясь“, Платон, „оная псалма верѣ нашей противная и еретическая... Когда кому не без пролития крови отместится... Не думайте, чтоб вам, бывши в чужих краях и приехав, церковь православную порочить своими ересями ... прольется ваша еретическая кровь“. Хмельного Платона стал унимать Петр и Илларион. „Говорили тому Малиновскому, напрасно ли он сердится, песнь оная никакой ереси в себе не имеет и ежели в чем оной Тредиаковский как молодой человек погрешил, то утрем к вам песнь на дом придет и будет просить, об исправлении“. Однако теперь „поносить“ Тредиаковского стал Евфимий: „он ничего не знает и не смыслит, а то подлинно тут /то есть в псалме — А. Ш./ противности нашей греческой православной церкви“; позднее, объясняя свою позицию, он показывал, что критиковал псалму за то, что в ней „написанныя наречения иностранныя, а не по правилам грамматическим, ...в тех псалмах иностранных наречиев употреблять было ненадобно...“⁷ Оба обвинения крайне интересны: в первом случае деятельность поэта

5. там же.

⁶ П. А. Чистович. *Феофан Прокопович и его время*. СПб., 1868.

⁷ „Экстракт о бывшем архимандрите Платоне Малиновском“ — ЦГАДА, ф. 7, е. хр. 515; сохранился фрагментарно. Частично цитируется в кн.: Чистович, 1868, с. 384-5 и *Пекарский*, 1873, с. 30, 36, 38.

воспринимается как нелопустимое посягновение на сакральную сферу, на которую у него нет права — „не его дело богословские сочинять вещи“; во втором случае порицанию подвергается собственно формальный уровень — а именно употребление в тексте духовного содержания „иностранных речений“⁸, что может быть расценено как ересь. Показательно, что оба обвинения в модифицированном виде не раз будут высказаны позднее, и не только в отношении Треднаковского.

Эпизод этот завершился, однако, благополучно. Наутро Треднаковский прислал Платону текст псалмы при латинском письме, и Платон „за объявленное письмо благодарил и прощения у него просил...псалма же его, Треднаковского, никакого в себе порока не имеет.“⁹ Видимо, как-то обошелся и эпизод с Евфимием.

В среде церковных лиц в те же 1730-е гг. Треднаковский выступал как композитор, причем композитор духовный. Однажды на прослушивании сочиненного им концерта великомученице Екатерине присутствуют члены Синода во главе с Феофаном Прокоповичем¹⁰; после концерта Треднаковский по указанию Феофана декламирует сатиру князя А. Д. Кантемира, порицающую непросвещенность и невежественность духовенства, что, по мнению Б. А.

⁸ Знаменательно, что приблизительно в то же самое время — в декабре 1732 г. — уже упомянутый нами П. Сечехин считает необходимым отстаивать положение, „что позволено в различных языках употреблять слов иностранных для лучшего изъяснения или для красоты или просто за употребления“, характерно при этом, что Сечехин отождествляет своих оппонентов с консервативной духовной средой: „Хорошо для вас книга о Бове, еще ж книга Пчела...благочестия твоего апробации достоиан...из которой ты многие доводы в публичных диспутациях...у братины со учеными оными дьячками и пьяным клиром привести можешь“. *К Зоилу*, с.125-26.

⁹ *Чистович*, 1868, там же; *Пекарский*, 1873, там же.

¹⁰ О Треднаковском-композиторе см.: Б. Вольман. *Русские печатные ноты XVIII в.* Л., 1952; А. Ф. Костюковец. *И. К истории рукописного сборника.* — В кн.: *Вопросы теории и истории музыки.* Минск., 1976, с.216; Канты В. К. Треднаковского из рукописного собрания ГИМ № 31/34. от 21 марта 1981 г. (программа Всероссийская научная конференция „Прошлое и настоящее русской хоровой культуры“. Л., 1981, с. 12; П. Герасимова-Персидская. *Партесный концерт в истории музыкальной культуры.* М., 1983; М. Сохраненкова. „Музыкально-поэтическое творчество Треднаковского.“ В кн.: *Человек—творчество—компьютер.* М., 1987; „Треднаковский как композитор“, В кн.: *Памятники культуры. Новые открытия.* Л., 1987.

Успенского, являлось ответным ударом на выступление против „псалмы“ Платона Малиновского.¹¹

Думается, не будет большим преувеличением сказать, что в перечисленных эпизодах мы видим Тредиаковского все же своим человеком в духовной среде; здесь у него есть высокопоставленные покровители [как первоприсутствующий в Синоде архиепископ Феофан Прокопович и некоторые другие синодальные члены], друзья и ценители [как архимандрит Петр Смелич]; здесь, правда, и те, которые видят у Тредиаковского уклонения от православия [ср. в этой связи обвинение Тредиаковского в том, что в предисловии к „Феофии“ он положительно упомянул „еретиков“ католиков Мора и Петра Поарета— см. документ 16, с.470 и 17, с.478 наст. издания]. Характерно, что Синод в 1743 г. чувствует свое право и компетенцию дать отзыв о своей позитивной оценке литературных трудов Тредиаковского;¹² главным образом благодаря этому отзыву Тредиаковский смог через два года стать полноправным действительным членом Петербургской академии наук¹³ — событие, не имевшее, кажется, прецедента в истории Академии. Показательно также, что в начале следующего десятилетия Тредиаковский получает от синодального члена, еп. Гавриила Кременецкого и оберъ-секретаря Синода Я. Леванидова крайне положительную оценку сочиненного им „Слова о мудрости, о благоразумии и

¹¹ Успенский, 1985, с.127-28; об отношениях между Тредиаковским и покровительствовавшим ему Феофаном см. там же, с.126-131.

¹² „ Мы...Синода члены...предложенные сочинения его виды как российском, так и латинским языком рассмотрели, и сим свидетельствуем, что оные сочинения его виды по точным правилам элоквенции произведены, что чистыми словами украшены, и что по всему тому явно есть, яко он несколько, но только происшел в элоквенции...что праведно надлежащее в том искусство приписатися ему долженствует“ (Пекарский, 1873, с.100). Необходимую для производства в профессора Академии наук аттестацию должна была дать академическая конференция, которая, в ситуации конфликта между сторонниками А. К. Нартова и иноземными академиками отказывалась от „свидетельствования“ трудов Тредиаковского под предлогом, что проект об Академии наук Петра I не предусматривал места профессора российского красноречия (см. Пекарский, 1873, с.95-100).

¹³ Пекарский, 1873, с.107.

добродетели“;¹⁴ видно, именно благодаря этому синодальному отзыву „Слово“ выходит в свет.

Все это позволяет, кажется, говорить об определенной близости Тредиаковского к церковным иерархам своего времени; в этом, видно, одно из принципиальных его отличий от позиции Ломоносова и Сумарокова, ориентировавшихся на императорский двор. Вообще, отделяют Тредиаковского от Ломоносова и Сумарокова в первую очередь представление о просветительстве; Тредиаковский стоял в основном на позициях просветительства духовного, причем духовного просветительства нового типа, вооруженного последними достижениями естественных, точных и других наук;¹⁵ это могло сближать его с позицией церкви, которая, в попытке реформироваться и сделаться действующей силой в послепетровской России, стремилась осознать себя как главный агент просвещения.¹⁶ Во всяком случае собственно литературная позиция Тредиаковского на фоне современных ему поэтов достаточно редка и своеобразна: хотя он признает оду одним из главных поэтических жанров, в его собственном творчестве торжественная ода почти полностью отсутствует. В высшей мере показательно, что в *Рассуждении об оде вообще* 1734 года Тредиаковский писал, что, для того чтобы понять стилистические особенности оды,

¹⁴ Как сообщал Тредиаковский, Гавриил „еще оное и великих своих похвал удостоил...читал оное и обер-секретарь Яков Герасимович Левашиндов и оочень похвалил (объявление Тредиаковского канцелярии Академии наук и декабря 1752 г.— Пекарский, 1873, с.167). „Слово“ напечатано в *Сочинениях и переводах* Тредиаковского 1752 г.

¹⁵ В этой связи интерес представляет собой малоизвестная работа Тредиаковского *Математические и исторические наблюдения о сыскании Пасхи*, над которой он трудился с 1737 по 1758 год; в этой „настоящей энциклопедии по русскому церковному календарю“ (Певская) оригинальные математические расчеты соединены с историко-научными и историко-богословскими главами. Показательно, что кроме одного парадного экземпляра, поднесенного президенту Академии наук Разумовскому, остальные были подарены обер-секретарю Синода Левашиндову и духовным лицам. Ср. Н. П. Певская. Работа Тредиаковского по истории календаря. — В кн.: Н. П. Певская. *Петербургская астрономическая школа XVIII века*. Л., 1984, с.195—96.

¹⁶ Эта идея принадлежит В. М. Живову.

одический „божественный язык“, русский читатель должен обратиться к Псалтири.¹⁷

Понятно в этом отношении, что в глазах Трелиаковского наиболее значимыми были его полное стихотворное переложение псалмов „святого пииты“ и поэму, доказывающую бытие Божие „Феоптия“ – высшее выражение его пророческих интенций.

Оба сочинения создавались почти одновременно, должны были быть изданы под одной обложкой и взаимодополняли друг друга [документ g] – как бы двумя разными путями они вели к одной цели. В предисловиях к обоим сочинениям автор говорит, в сущности, об одной задаче – о возвращении секуляризованной поэтической культуры, забывшей о своем высоко сакральном происхождении, к ее древнему и истинному источнику – Культуре. В предисловии к „Феоптии“ читаем: „В нынешние времена повсюду стихи, по большей части, употребляются токмо или на пустые игрища, или на другие светские сочинения, возбуждающие страсти. По возводящий помышление свое к уединенной древности увидит, что Поэзия у древних была сущей их философиею и теологию. Итак, писать философствование стихами, то возводить некак стихотворение к первому его и достохвалному началу.“¹⁸

В то же время одна из целей переложения псалмов, „которая едва ль не действительнейшая всех прочих... доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже нигде быть подобной Высоте и

¹⁷ Охотник Российский может приметить высоту слова, какова должна быть в Одах, в псалмах Святого Пииты псалтирического, то есть, блаженного Пророка и Царя Давида: ибо псалмы не что иное, как *Оды*, хотя на российский язык не стихами переведенные, как и на прочие христианские языки, но на Еврейском все они стихами сочиненные, по тогдашнему еврейских стихов обычаю. Увидит он тут и благородство мапсриси, и богатство украшения, и великолепие слова, увидит мудрую прерывку разума, а от разума не отходящую, увидит удивительное вознесение к высоте слогом возлетающее, каково *Пиндар* и *Гораций* имеют, и каково Господин *Боало Детро* имеет приказывает; увидит и скажет, что то самый божий язык.

¹⁸ Приложение III, с.467

Сладости, что Языческое оно и Светское Велепие в песенных Слагах, есть токмо тень, или еще и та, Божияго и Небесного Гласа, в Давидовых Псалмах гремящего.¹⁹

Здесь значимо каждое слово: осуждение новой „светской“ поэзии, которая влхновляется великолепием языческой античности, не выходит за пределы аристотелланской поэтики и не поднимается выше собственных профессиональных проблем, и противопоставление ее поэзии „древней“ — религиозной и культовой, поэзии „святого пророка“ Ветхого Завета. В случае „Псалтири“ стихотворная форма, „магия стиха“ должна вновь ввести как в современную литературу, так и в обиходную культуру поэтическую псалмодию, ибо древнеславянская Псалтирь 1) стала непонятной и 2) к ее тексту сложился автоматизм восприятия; новая же стихотворная форма может даже атенстам открыть в псалмах божественный свет и „покланяемые следы божества“ и тем привести их из неверия к вере. В случае „Феоптии“ стихотворная форма оказывается наиболее кратким и экономным способом изложения сложной „материи“ — „стихи представляют ее у меня красною, веселою, почитай смеющеюся“; „материя“ же „Феоптии“, как мы говорили выше, есть доказательство Бытия Божия свидетельствами современных наук.

Характерна декларация поэта — в предисловии как к „Псалтири“, так и к „Феоптии“; предпринимая свой труд, он ощущал божественную помощь, священное влхновение; „предуведомление“ к „Псалтири“ даже завершается молитвой к Святому Духу: „да сие <...> преложение послужитъ <...> читателям в созидание истинного разума о тебе и в приращении благодати твоя, а мне потрудившемуся <...> в очищение сердца и обновление духа <...>“²⁰.

Претензии поэта такимъ образомъ не ограничиваются только литературной или даже культурной средой — он притязает на полномочия священника, проповедника, в

¹⁹ наст. изд., с. 5.

²⁰ наст. изд., с. 8

каком-то смысле даже пророка²¹. Слово поэта, подобно иконе, несет в себе отблеск и энергию Мира Горнего²²

* * *

Отдавая в 1754 г. „Псалтирь“ и „Феоптию“ на цензурное „свидетельствование“ Синода, Тредиаковский ни слова не написал о ставимых им в обоих сочинениях целях и прямо отослал синодальных иерархов к своим предисловиям: „предложил он Тредиаковский все уже псалмы стихами ж, но каким образом и для каких причин, то явствует в <...> книге, написанной ево рукой“ (документ 2), „сочинил я книгу <...> и назвал ее Феоптиею <...>. Но чего ради произвел я сей труд, и для чего стихами; тому объявлены причины в предисловии при ней же находящемся“ (документ 4). Итак, первыми читателями „Псалтири“ и „Феоптии“ были архиепископ Сильвестр Кулябко и епископ Гавриил Кременецкий (автор уже цитированного отзыва на „Слово“ Тредиаковского 1752 г.), и их первое суждение было за печатание обоих книг поэта.

Гавриил „свидетельствовал“ „Феоптию“ немногим больше месяца, Сильвестру на чтение „Псалтири“ понадобилось около гола, в январе-феврале 1755 г. оба иерарха заявили собранию Синода, что не нашли в обоих сочинениях „святой церкви противности“ — такова была необходимая формула.²³ Синод принял решение разрешить оба сочинения к печати и дать об этом автору письменное свидетельство; примечательно, кстати, что другие члены Синода подписавшие это постановление — Варлаам Лацевский, Афанасий Вольховский и обер-секретарь Леванидов (документ 7) были прямо или

²¹ см. главку *Спор поэта и священника* в статье В. М. Живова *Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века.* — Труды по знаковым системам. XIII. (Учен. зап. Картусского гос. ун-та, вып. 54б), 1981, с.66,68.

²² О концепции Слова в православной культуре см. Б. А. Успенский. *Пролегомена к теме: „Семнотика иконы“* с.199–202; С.С.Аверинцев. *Последние Византины в русской традиции ощущения слова.* Доклад на Второй международной научной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси „Богословие и духовность Русской православной церкви“. Москва, 11–19 мая 1987 (Доклад не опубликован)

²³ При ее отсутствии Синод мог не дать разрешения печатать книгу: см. *Титлинов*, 1916, с. 269–70 (примечание)

косвенно знакомы с Тредиаковским или его трудами. Как кажется, вся эта процедура „свидетельствования“ заняла весьма незначительное по практике той эпохи время — обычно рассмотрение Синодом книг длилось дольше.²⁴

Тредиаковский считал необходимым самолично и с соблюдением формы выразить благодарность Синоду: „Впущен пред собрание <Синода> Академии наук профессор Тредиаковский, который<...>что сочиненные им две книги<...> Синодом опробованы, учинил покорнейшее благодарение и, получа благословение, выступил“.²⁵ Теперь ничто не препятствовало изданию „Псалтири“ и „Феофии“²⁶ — Тредиаковский намеревался напечатать ее на собственный счет в типографии Академии наук, как он уже не раз делал в прошлом. Однако положение Тредиаковского в Академии в 1757 г. резко ухудшилось, и издание его сочинений в академической типографии оказалось невозможным. Тогда он решил предложить Синоду напечатать обе книги „как по всему духовные“ (документ 9).

Здесь необходимо сделать одно отступление. Существенно ли менял дело церковный кириллический шрифт? Ведь Московская синодальная типография наряду с

²⁴ О том, как долго оно могло затягиваться, даже если напечатания книги требовала сама императрица, свидетельствует следующая история. В январе 1749 Елизавета приказала Платону Малиновскому, в то время архиепископу Московскому, рассмотреть сочинение покойного архиепископа Феофилакта Лопатинского (он был ранее членом Синода) *Иго благо Господне и время его легко*, чтобы если „никакой противности не явится, то и напечатать“. Платон представил отзыв в Синод только в 1757 (!) году, однако по его отзыву Синод не принял никакого определения и через 12 лет — в 1769 г. распорядился закрыть дело о печатании сочинения Феофилакта, рассудив, что „в печатании оной никакой надобности не состоит“ (Барсов, 1901, с.982-3). Любопытно, что одновременно в 1749 г. возник вопрос относительно сочинения Феофана Прокоповича *Иго неудобь носимое*, против которого направлен данный трактат Феофилакта, книга была отыскана, послана в Москву для представления в Синод, но в Синод так и не представлена, в результате чего затерялась (там же).

²⁵ Документ №8

²⁶ В 1750-е гг. действовал порядок, установленный императрицей Елизаветой: „все печатанные в России книги, принадлежащие до церкви и до церковного учения, печатать с апробации Св. Синода, а гражданские и прочие всякие, также до церкви не принадлежащие, с апробации Правительствующего Сената“ (Барсов, 1901, с.976).

кириллицей печатала и гражданкой.²⁷ Думается, предпочтение кириллического шрифта вместо гражданского было не малосущественно как для автора, так и для Синода: после известной реформы графики Петра I единое тело русской культуры как бы рассекалось надвое, на сферу светскую (сюда относились сочинения, набираемые гражданским шрифтом), и духовную (для коей сохранялась церковная кириллица).²⁸ Правда, в царствование самого Петра I многие чисто светские книги по-прежнему набирались кириллицей, остававшейся понятнее и привычнее простому народу, но к середине царствования Елизаветы кириллица стала почти исключительным достоянием сакральной духовной или правительственной сферы - ею набирали Евангелия, Библии, Молитвословы, учительную литературу, царские манифесты.²⁹ Знаменательно, что типографу Вейдбрехту не было позволено печатать славянскую библию гражданскими буквами.³⁰ Напечатание „Псалтири“ и „Феофии“ в синодальной типографии кириллическим шрифтом означало санкционированность их церковными властями, подтверждение принадлежности обоих сочинений церковной сфере русской культуры. (В каком-то смысле это нечто параллельное словам „печатается по Высочайшему повелению“ на *Истории государства Российского* Н. М. Карамзина и *Истории пугачевского бунта* А. С. Пушкина). Иными словами церковный шрифт в данном случае мог еще раз выражать притязания поэта на статус церковного писателя.

²⁷ В 1765 г. гражданским шрифтом было издано более сорока пяти „Служб“ на различные церковные праздники (см. *Сводный каталог*, III, с.129-133). Ряд благочестивых книг гражданкой издавала синодальная типография в 1790-е гг., напр. А.Скуполн. *Подвиг христианина против искушений*. 1794; С. В. Салтыков. *Ревность святого Иоанна евангелиста или Торжество любви. Поема в одну песнь в стихах*. 1796.

²⁸ См. особенно В. М. Живов. „Азбучная реформа Петра I как семиотическая проблема“ - *Труды по знаковым системам*, XIX (Тарту, 1986)

²⁹ Другого мнения придерживается Т. А. Афанасьева. (Светская кириллическая книга в России в XVIII веке. Проблемы издания, распространения, чтения). Диссертация. Л., 1983.

³⁰ "Imno ne quidem hoc concessum fuit typographo Petropol. Weidbrechtio, ut excuderentur biblia slavonica literis civilibe (grazhdanskymi)" - *Korrespondence Josefa Dobrovského*. I (Praha, 1895), p. 274

В доношении Синоду Тредиаковский предлагал напечатать оба сочинения на собственный счет тиражем 600 экземпляров, прося только обождать с выплатой денег; при этом он однако намекал, что в воле Синода разрешить финансовый вопрос более благоприятным для автора образом (документ 9).

Что постановил Синод по этому доношению Тредиаковского? Как представляется, решение Синода было беспрецедентно благоприятным: в каком-то смысле оно поощряло притязания поэта на права церковного писателя, духовного просветителя. Синодальные члены – те же Сильвестр, Димитрий и Варлаам и вошедший в их число Амвросий Зертис-Каменский постановили издать Псалтирь и Феоптию церковным шрифтом целым заводом, то есть тиражем 1200 экземпляров, причем все расходы на печатание отнести за счет Синода, а выручку отдать автору „за таковой его немалой труд и рачение“ (документ 10,). Обе книги немедленно были посланы в Москву в синодальную типографию с указанием о печатании.³¹

³¹ Хочется подчеркнуть, что речь шла действительно о деле небывалом в истории церковного книгопечатания XVIII века; в соответствии с указом Верховного тайного совета от 4 ноября, 1727 г. Московская синодальная типография должна была издавать „только одни церковные книги, как издавеле бывало“ (*Полное собрание законов*, т. XVII, № 5175, с. 834; *Луппов*, 1976, с. 36). Хотя отдельные отклонения от этого правила могли делаться в сторону печатания учебных изданий (издали, например, *Первое учение отрокам* Феофана Прокоповича) или правительственных манифестов (во время русско-турецкой войны 1736–39 гг. типография печатала кириллицей реляции о военных действиях – см. *Луппов*, 1976, с. 45; *Афанасьева*, 1983), подавляющее большинство издаваемых книг было связано со сферой богослужбной, богословской или учительной (достаточно посмотреть подряд *Сводный каталог русской книги кириллической печати* А. С. Зерновой и Т. И. Каменевой) и принадлежала исключительно церковным авторам. Между тем оригинальные сочинения (даже и духовного автора), прямо не относящиеся к богослужбной или богословской сфере в 1727 – конце 1750-х гг. издавались шрифтом гражданского (например, *Умозрительство душевное* Московского Успенского собора дьякона Петра Буслаева, СПб., 1734); показательны, что изданные кириллицей *Стихи избранные из Священного писания, служащие ко утешению всякого христианина, невинно претерпевающего заключение* канцлера А.П. Бестужева-Рюмина (М., 1763) в сущности (как указывает и само заглавие) не что иное, как благочестивая компиляция библейских текстов; литургические произведения светских авторов начинают издаваться церковным шрифтом только с середины 1790-х годов („службы“ и „акафисты“ Г. П. Гагарина).

В Москве однако с печатанием не торопились. Прошло полтора года, об этом Тредиаковский известился от своих московских друзей, а обе книги его все еще лежали без движения. По его новому прошению Синод в июне 1758 г. послал запрос, „чего ради она типографская контора ... тех книг поныне в печать не произвела“. Директор типографской конторы М. М. Херасков и его заместитель (на языке старой России, „товарищ“) А. Пельский через несколько дней рапортовали о получении неприятного для них синодского указа, через месяц типографская контора за подписью А. Пельского представила в Синод подробное объяснение - своего рода образец подъяческой кляузы и волокиты. В доношении типография представляла, что в минувшем 1757 году все ее пять печатных станов были заняты, по их же освобождении типография намеревается издавать *Камень веры*, Цезаря Барония, *Чиновник архиерейского служения*, „Беседы“ Иоанна Златоустого, сочинения Григория Назианзина, учебную Псалтирь, *Знамения пришествия антихристово* Стефана Яворского, и *Службу и житие Иоанна Воина* Карiona Истомина, а по окончании печатания всех этих книг - приступить и к сочинениям Тредиаковского. Впрочем, „сверх же того“, добавляла типография, в „Феофии“ усмотрены сомнительные места, противные учению церкви - объемистый их перечень прилагался (документы №№ 15 и 16). Интересно отметить, что здесь - в отличие от предыдущего документа №14 - подписи директора типографии М. М. Хераскова нет, хотя вряд ли он не знал о переписке своей типографии с Синодом по поводу сочинений Тредиаковского.

Синод передал „сомнительства“ Тредиаковскому, и тот в сентябре все того же года представил подробный „Ответ“, разобрав по пунктам все критические замечания А. Пельского (документ №17). Каково же оказалось суждение Синода на этот раз? Как можно судить на основании указа 30 сент. 1758г. (документ №18), Синод совершенно удовлетворился ответом

Последним поэтом, стихи которого в XVIII веке печатались кприллицей, был, видимо, Федор Поликарпов - и Тредиаковский хочет издать свои Псалтирь и Феофию по его графике - то есть без ударений над односложными словами, выносных букв и титлов, которые затруднили бы графическое восприятие поэтического текста как стихотворного (документы 9 и 22).

Треднаковского. Синодальные члены Димитрий, Сильвестр и Вениамин нашли действия Пельского „недельными“, объявили ему „реприманд“ за неосмотрительное невыполнение синодского указа и приказали „Псалтирь же и Феоптию, кои уже Синодом апробованы, немедленно напечатать.“

Однако типография не унывала. Неприятный для нее грозный указ она смогла потерять (как показал Пельский). Одновременно оба сочинения Треднаковского типография передала на „переследование“ в Московскую синодальную контору. Момент для типографии был крайне удачный – именно в 1758 году начался крайне острый конфликт между Синодом и Московской синодальной конторой.³² Синод требовал полного подчинения от Конторы, Контора настаивала на уравнении в правах с Синодом (кроме того, по старой традиции „московская кафедра считалась выше всех великороссийских как обновленное селалище древних московских патриархов“³³ если не формально, то в глазах многих духовных лиц).

Контора „переследовала“ книги в общем собрании, опираясь на выписки, сделанные архимандритом Иоанникием Павлуцким. „Для узнания каким штилем...псалмы переложены“ он выписал отдельные строфы стихотворных переложений поэта, которые сопоставлялись со славянским оригиналом – видимо, для показания, что автор предосудительно изменяет или искажает библейский текст В „Феоптии“ Иоанникий вновь обнаружил „сомнительные статьи“, где положения автора якобы находились в противоречии со Св. Писанием, некоторые стихи поэмы он нашел „соблазнительными и срамными“, – в целом его критика шла вслед за „сомнительствами“ А. Пельского.

Контора нашла еще один изъян в книгах Треднаковского – „новомышленную церковную печать“, которой публиковать „пред раскольниками ... будет предосудительно“ – обвинение довольно абсурдное, ибо все орфографические нововведения

³² Б. В. Титлинов. „Эпизод из истории Св. Синода“. - *Христианское Чтение*, 1914, с. 358.

³³ *Гавриил Петров, митрополит новгородский и санкт-петербургский.* (Пг., 1916), с. 448.

поэта сводились к устранению над словами ударений и раскрытию титлов (ср. документ №9). Все эти сумнительства были посланы в Синод от имени Конторы с предложением „для явствующих в выписках обстоятельств в московской яко церковной типографии отказать“ (документ №19).

Чем объяснить эти действия Конторы? Кто из ее членов, слабый ли здоровьем и малоактивный митрополит Тимофей, переведенный ли в Москву из Киева в самом конце 1757 г., Амвросий (кстати, год назад будучи членом Синода, он подписал решение о печатании Феоптии и Псалтири) или архимандриты Мисаил и Иоанникий,³⁴ взял на себя инициативу оспорить два синодских указа об издании книг Тредиаковского? В конторской „выписке имеющихся в Феоптии разных сумнительных ... статей“ выделены стихи карикатурно изображающие Сумарокова и рядом с ними написано: „сие честным и знатным обидно и болше сатирам, а не такой материи прилично“³⁵ - прозорливость ли это пастырей или подсказка со стороны? Думается, скорее, последнее - причем тень падает на оказавшуюся под ударом после синодского указа с „репримандом“ типографию. Директор типографии Жерасков, как мы видели, формально держался в стороне от критики сочинений Тредиаковского;³⁶ главным ее застрельщиком был бывший учитель Московской славяно-греко-латинской академии Пельский, о литературных горизонтах и симпатиях нам ничего не известно. Папрашивается, однако, предположение, что не последняя роль здесь принадлежала Жераскову, близкому другу Сумарокова, в 1750-е годы активному участнику постановок в театре Сухопутного шляхетского корпуса пьес Сумарокова, целью коих была абсолютная дискредитация Тредиаковского как писателя.

34 О них см. краткую сводку сведений в комментариях к документам.

35 См. Б. А. Успенский. „К истории одной эпиграммы Тредиаковского (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.)“ - *Russian Linguistics*, 8 (1984), p. 85.

36 В эти же самые годы он переводил книгу *Рассуждение против атеистов и натуралистов* (М. 1765), близкую по направленности к *Феоптии*; не исключено, что к предпрятию этого литературного труда его подтолкнуло знакомство с сочинением Тредиаковского.

Пельзя исключить и других предположений - быть может синодальная типография опасалась, что выход в свет Феоптин и Псалтири, набранных (включая те ничтожные модификации, которые просил автор) церковным шрифтом, вызовет нарекания со стороны критиков более влиятельных, чем старообрядцы? Состав Синода менялся, и обвинения могли коснуться типографии. Возможно, что нежелание типографии издавать книги Тредиаковского вызвано причинами сугубо техническими - что наборщикам не хотелось переводить их текст с оригинального гражданского шрифта, которым они были написаны, на (в соответствии с его педантическими пожеланиями) - шрифт церковный (так предполагал первый издатель „сумнительств“ Пельского в журнале *Москвитянин*). Возможно, и что типография нашла финансовые условия, оговоренные первым синодским указом, - отдать всю выручку Тредиаковскому - слишком невыгодными для себя.

Синод получил „Доношение“ конторы, однако дело о печатании Тредиаковского не закрыл. Вступать в спор с синодальной конторой он не стал, но вель с другой стороны вторичный указ о немедленном печатании книг Тредиаковского с угрозой тяжких штрафов за ослушание не был отменен. Наконец осенью следующего 1759 года Тредиаковский узнал о полученных из Москвы „сумнительствах“ и он вновь обратился в Синод с просьбой решить еще раз его дело о печатании в синодальной типографии. Относительно вызвавших осуждение Синодальной Конторы текстов он предлагал сделать собственные „прозаические изъяснения, кои служить будут вместо кратких примечаний“ в нижней части страницы (документ №22). Синод принял его предложение: „учиня ему Тредиаковскому изъяснение полать для рассмотрения Святейшему Синоду.“ О том, что под влиянием Синодальной конторы Синод принял решение отказаться от печатания книг Тредиаковского нет и намек (документ №23). Не исключено, что Синод не отвергал возможности послать в контору и третий указ о печатании.

Но Тредиаковский изъяснений Синоду так и не представил. Это был 1759 год - год самых тяжелых его испытаний: он был отставлен от Академии наук и перебирался в Москву. Глядя на упорное сопротивление типографской конторы и

претензии московской синодальной конторы уравниваться на правах с Синодом, он, возможно, совершенно отчаялся в надежде, что синодальный указ будет выполнен. Судьба Псалтири и Феоптии, таким образом, была решена не Синодом, а каверзой московской типографии и наконец, отчаявшимся увидеть напечатанными свои центральные поэтические произведения писателем.

✂
✂ * ✂
✂

А. Шишкин, Рим